

детектив

ПОЗИТИВ

Читайте смешные детективы Нatalьи Александровой:

Любовь нечаянно пристанет
Я не твоя, мой господин!
Через тернии в загс
Когда муж идет налево
Камешки чистой воды
Весь мир за ваш счет
До встречи в облаках!
Фантазии офисной мышки
Шалаш в Эдеме
Досье на Пенелопу
Мальтийская головоломка
Клиент Пуаро
Откройте принцу дверь!
Маркиз-потрошитель
Леди Титаник
Кодекс поведения блондинки
Калоши невезения
Черная тень в белом плаще
Африканская страсть
Неправда о любви
Вас снимает скрытая камера!
Лямур, тужур и абажур
Дама разбитого сердца
Служанка двух господ
Теща Франкенштейна
Утром деньги, вечером пуля
Алмазная принцесса
Шикарный блеф
Правнучка ведьмы
Дурдом с призраками
Мечты сбываются
Влюбленным вход воспрещен!
Все против свекрови
Полюблю до гроба
Игра с неверным мужем
Любовь мексиканского сыщика
Белые ночи с Херувимом
Проделки небожительницы
Призрак фокусника
Рассмешить Бога

До последней звезды
Карамельные неприятности
Серенада для шефа
Укрощение свекрови
Миллион черных роз
Небо в шоколаде
До свадьбы заживет
Муж, который живет на крыше
Тайное сокровище олигарха
Приятных кошмаров
Поцелуй на пожарной лестнице
Потусторонним вход воспрещен!
Верный паж госпожи
Альковная тайна содержанки
Не злите джина из бутылки
Отмычка от разбитого сердца
Гарем без проблем
Сон в брачную ночь
Джакузи для Офелии
Клуб шальных бабок
Финита ля трагедия
Русалку за хвост не удержать
Фаберже дороже денег
Чемоданчик Пандоры
Причуды графа Дракулы
Персона царских кровей
Диета против пистолета
Кастинг Синей Бороды
Дегустация волшебства
Компромат на суженого
Шанс на миллион долларов
Сбылась мечта хулиганки
Испытательный срок для киллера
Алиби для красавицы
Услуги маленького дьявола
Дешево и смертельно
Не родись болтливой
Сентиментальный душегуб
Капкан для маньяка
Сафари на гиен

Наталья Александрова

Шайка шустрых
покойников,
или Серенада для шефа

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Оформление серии *Н. Никоновой*

Александрова, Наталья Николаевна.

А46 Шайка шустрых покойников, или Серенада для шефа : [роман] / Наталья Александрова. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Детектив-позитив).

ISBN 978-5-699-85926-9

В институте в конструкторском бюро, где уже много лет работает Надежда, произошел несчастный случай — с крыши здания упала лаборантка Марина. И хотя в милиции считают, что девушка совершила самоубийство, Надежда уверена: это самое настоящее убийство. Причем столкнул красавицу Марину кто-то из верных поклонников, скорей всего ее таинственный возлюбленный — отношения с ним она всячески скрывала. Пока же в доведении лаборантки до самоубийства обвинили нового начальника, с которым Марина поссорилась накануне... Но Надежда возлагает на руководителя отдела Сан Саныча свои далеко идущие личные планы и не собирается много лет ждать его возвращения из мест не столь отдаленных. Значит нужно вытаскивать горячо любимого шефа из нештучных неприятностей...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Александрова Н., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-85926-9

Автобус был набит как всегда. На повороте Надежда ухитрилась взглянуть на часы. Две минуты до остановки, если не будут стоять на перекрестке, три минуты бегом до проходной. Успеваает впритык. А, наплевать, даже если и опоздает, все равно с ноябрьским повышением пролетела. С привычным раздражением она вспомнила последний разговор с начальником: «Вы извините меня, Надежда Николаевна, я сейчас никак не могу рекомендовать вас на повышение оклада, мы с вами так мало работаем вместе, что я не могу дать точную характеристику вашей трудовой деятельности...» и так далее, не повышая голоса. Зануда!

Толпа выпала из автобуса и рванула вперед. Предъявляя пропуск, Надежда взглянула на табло в проходной: 11 ноября, понедельник, ровно 8.15. Праздники кончились.

В лаборатории все как обычно. Полякова выкрасилась в рыжий цвет. Сороковников молчит, в стену смотрит, видно, перепил, как всегда, в праздник. Надежда развернула на столе схемы и потянулась к зазвонившему местному телефону.

— Девочки, у вас все на месте? Что-то ваша Марина ничего не сообщает.

Марина была лаборанткой, в ее обязанности входило каждое утро звонить в отдел кадров и сообщать, сколько народу по списку присутствует на работе, сколько отсутствует и по какой причине. Надежда оглянулась. Стол Марины был девственно чист. Похоже, что опять Маринка проспала, если бы заболела, позвонила бы заранее. Ну, доиграется девочка!

Она приоткрыла дверь кабинета начальника. Дверь была символическая, потому что кабинетом служил отгороженный стеклянной стеной кусок комнаты.

— Сан Саныч, доброе утро, Марина не звонила? Нужно в отдел кадров сообщить.

Начальник поднял голову. Надежда в который раз удивилась возникшему в ней чувству неприязни. Ведь вроде ничего плохого он ей не сделал, но голос, жесты — все раздражает.

— Здравствуйте, Надежда Николаевна, с Мариной я разберусь, а вам вынужден напомнить, что в 8.15 вы должны быть не в проходной, а на рабочем месте. Странно, что за двадцать лет работы на режимном предприятии вы не привыкли к дисциплине.

Надежда отвернулась и пожала плечами. Умеет же человек наживать себе врагов!

Она села за стол и задумалась. Работает новый начальник у них всего несколько месяцев, а уже успел всех против себя настроить. И требо-

вания его вроде бы все справедливые, и в работе соображает, а не только ценные указания дает, но трудно с ним. Она, Надежда, характер имеет спокойный, независимый, это все признают, звезд с неба не хватает, но по своей должности старшего инженера любую работу может выполнить, за двадцать лет всему тут научилась. И с работы не летит сломя голову каждый день, как другие, кто по магазинам, кто в садик. Отбегалась, слава богу. Дочка Алена замужем и сама скоро мамой станет. Так и то у Надежды с начальником все время конфликты. А других так прямо трясет от него. Коллектив женский, мужиков всего трое, да и те ни рыба ни мясо. Прежний начальник умел с ними ладить, жаль, что на пенсию ушел. А этого назначили неожиданно откуда-то со стороны. В первый же день вездесущая Полякова принесла все сплетни. Будто бы живет он с семьей, но жена умерла два года назад; обещали ему вроде бы место начальника отдела, но потом взяли какого-то блатного и помоложе, а этого к нам сунули. Лет ему под пятьдесят, пускай спокойно до пенсии дорабатывает. Если так, обидно ему, конечно, вот и придирается.

Опять зазвонил телефон. Вот черт, не отвяжутся теперь из отдела кадров! Надежда посмотрела за стекло. Начальник разговаривал по городскому телефону. Вид имел хмурый, значит, Маринка опять проспала и просит отгул, которых у нее якобы никогда не бывало. Хотя на са-

мом деле ни в колхозе, ни на овощебазе ее сроду не увидишь.

Скрипнула дверь кабинета. Начальник стоял на пороге какой-то желтый. Печень у него, что ли? Тогда не ел бы всякую гадость в нашей столовой, а пил бы чай на рабочем месте, как все. Он оперся рукой на Надеждин стол и повернулся лицом ко всем.

— Я сейчас разговаривал с отцом Марины. Она умерла. Уже несколько дней. Из-за праздников мы не знали...

— А когда похороны? — в полной тишине спросила Полякова.

— Еще не ясно. Там следствие идет.

Он ссутулился и вышел. Все подавленно молчали. Потом мужчины потянулись на выход покурить, женщины заахали, запричитали. Начались долгие разговоры, кто Мариночку последний раз видел, да кто о чем с ней говорил, да ах, какая молодая, девятнадцать лет всего! Прибежали из соседних комнат, все начиналось заново. Надежда в этих разговорах не участвовала, закрылась осциллографом, пыталась работать.

Марину у них не любили за вызывающий вид, модные тряпки, острый язычок. Та же Полякова вечно шипела: «Скажите, как у нас лаборантка одевается, с каких это, интересно, денег?»

Марина в ответ не стеснялась высказывать, что она обо всех думает, а в последний месяц вообще со всеми переругалась, даже с Надеждой схлестнулась пару раз. А когда в соседнем

отделе у конструкторов сапоги продавали и Маринка их перехватила у Поляковой, они вообще в туалете чуть не подрались.

Работала Марина у них несколько месяцев, образования никакого, кроме десяти классов, не имела, учиться не собиралась и в дальнейшие свои планы никого не посвящала.

Надежда прислушалась. Полякова, сделав скорбное выражение лица, разговаривала по телефону, потом после обеда выпросила в профкоме машину и отбыла к родителям Марины выбирать фотографию для некролога. Пришел начальник, разогнал посторонних. Сотрудники разбрелись по рабочим местам, часа три было тихо, а потом вернулась Полякова и одним духом выложила все, что ей удалось узнать дома у Марины. Родителей расспрашивать она все-таки постеснялась, но удачно застала там милиционера в штатском, который пришел снимать показания. На нетактичное замечание Поляковой, что, мол, в праздник милиция тоже отдыхает, он строго ответил, что в праздник милиция как раз работает, и дел хватает, а самоубийца и подождать может, ей уже все равно. Правда, это он добавил, когда они уже вышли на лестницу. Дальше он рассказал, что нашли тело (он так и выразился) седьмого ноября, днем, в заброшенном доме где-то у Сенной площади. Дом пустили на капремонт, огородили забором, да так и оставили. После демонстрации народ расходился по домам, шли толпой мужики с завода. Было холодно, мужички согревались весь день

то водочкой, то бормотухой, а туалеты, как водится в праздник, закрыты, вот они и полезли через дырку в заборе пописать. А там во дворе как увидели тело (!), так про все позабыли и со страху с воплями бежать пустились. А так как милиции все-таки в праздник на улице много, то их сразу и сцапали, но поскольку к трупу они не приближались, то их подержали до приезда опергруппы и отпустили. А врач установил, что девушка упала не меньше чем с седьмого этажа накануне вечером, и поскольку несчастный случай исключили (что ей было делать ночью на крыше заброшенного дома?), а кошелек, песцовая шапка и золотые сережки были на месте, то начальство, недолго думая, распорядилось считать это самоубийством, пока, до вскрытия. Видно было, что Поляковой доставляет огромное удовольствие произносить эти слова с двойным «р»: труп, опергруппа, вскрытие.

Когда вышли на улицу, то, увидев профкомовскую машину, словоохотливый опер оживился, собрался было ехать с Поляковой в институт, но по дороге передумал, позвонил по автомату, спросил Леночку и попросил высадить его у дома тридцать пять по Среднеохтинскому, но шофер Иван Иванович к дому его не подвез, высадил у лужи на перекрестке и всю дорогу ворчал, что рабочий день кончается, бензин государственный, а ментов по бабам развозить он не нанимался.

Далее выяснилось, однако, что шустрый мент хоть и болтал не в меру, но и от Поляковой ус-

пел вызнать немало: и где Мариночка работала, и как к ней относились в коллективе, и не было ли у нее неприятностей в последнее время. И Полякова быстренько ему выложила, что все, в общем, к Мариночке относились ничего себе, а вот с начальником новым у нее были трения, и даже вот как раз шестого числа перед праздниками случился у них скандал в кабинете, так он на нее кричал, а потом Марина выбежала вся в слезах, и больше ее в тот день никто не видел.

Тут Полякова остановилась передохнуть. Коллектив молчал, обалдевший от сведений.

«Дура она или притворяется?» — подумала Надежда.

— И зачем ты это сделала? — не выдержал кто-то из мужчин. — Зачем столько лишнего наболтала?

Полякова сделала круглые глаза:

— Ну как же, меня же оперуполномоченный спрашивал, я же должна ему правду говорить!

«Притворяется», — решила Надежда.

Тут вступила Пелагея Никитична. Она работала в институте с незапамятных времен, вечно жаловалась на болезни, каждый год собиралась на пенсию, но почему-то не уходила и по праздникам, ударившись в воспоминания, рассказывала, что сейчас-то работать — это что, а вот раньше, когда на госиспытания выходили, аппаратуру сутками настраивали, и вот тут стояли раскладушки, и все сотрудники на них по очереди ночевали. После этого она на-

чинала рассказывать, что это сейчас она, конечно, немолодая, а раньше была так очень даже ничего себе, и прежний начальник, Николай Иванович, часто на нее заглядывался.

— Понятно теперь, почему вы так часто про раскладушки вспоминаете, — как-то сдуру ляпнула Надежда, и с тех пор отношения с Пелагеей были безнадежно испорчены.

— А ведь и правда, — запела Пелагея, — ведь здорово он кричал, уволить обещал, да в чем там дело-то было? Надя, ты близко сидишь, неужели ничего-таки не слышала?

— Не имею привычки, — начала было Надежда, но тут вошел начальник.

— Похороны в четверг, — тихо сказал он.

Следующий день прошел в унылых хлопотах, начальника все время куда-то вызывали: то в дирекцию, то некролог редактировать, то в партком, как будто если партком не разрешит, то человека и не похоронят. Полякова собирала деньги на венок с надписью «От товарищей по работе», шушукалась с Пелагеей и создавала общественное мнение. Зато в среду она влетела в комнату, запыхавшись.

— Нашему-то повестка пришла из милиции, только он еще не знает!

— А ты-то откуда знаешь?

— А Наташка из канцелярии сказала, повестка не на домашний адрес пришла, а на наш, служебный.

Начальник показался в дверях кабинета, похоже, что все слышал.

— Татьяна Павловна, — обратился он к Поляковой, — я вас попрошу временно взять на себя обязанности Марины, мы не можем остаться без лаборантки.

— Почему я? — взвилась Полякова.

— Потому что вы загружены меньше остальных.

Это он верно подметил. Заставить Полякову работать было невозможно. Единственное, что она умела, — это печатать на машинке двумя пальцами.

— Я не буду, — уперлась Полякова.

— Это решено, не будем пререкаться.

Мерзкая баба встала в проходе руки в бока и вдруг визгливо заорала:

— А если будем пререкаться, тогда что? Доведете меня, как Марину?

Все оторопели. Начальник достал платок, подозрительно чистый для одинокого мужчины, как машинально отметила Надежда, вытер пот со лба и вышел. Полякова торжествующе оглядела всех.

— Вы видели? Сразу перетрусил!

— Да он просто обалдел от такого нахальства, — сказала Надежда.

— А что ты за него все время заступаешься, кто он тебе?

— Да отвяжись ты, — вяло отругнулась Надежда и задумалась.

Не нравится ей все это. Ну кричал он на Маринку шестого, это верно. Если честно, здорово орал. Как это? «Если это повторится, вы здесь больше не работаете!» Чем же она его так достала? Держалась нагло, хамила в ответ, по интонации понятно было. А потом выскочила, лицо руками закрыто, и убежала. И никто ее не видел больше, кроме Надежды. Потому что после обеда всех начальников вызвали на инструктаж, как двери на праздник запечатывать, а когда слух прошел, что в проходной стали раньше отпускать, все и сорвались. И Надежда с ними, но по дороге спохватилась, что опять перчатки оставила в столе, хорошо хоть, за проходную не выскочила. Вернулась она и кого увидела? Маринка по телефону разговаривала, вся накрашена, причесана, духами французскими на всю комнату пахнет; Надежда еще подумала, что вот, как с гуся вода. А Маринка на нее так зыркнула, что, мол, шляются тут.

А телефон-то рядом. Куда Надежде было деваться? Она подошла и стала перчатки искать. И слышно было в трубке мужской голос. Да и так ясно, что Маринка на свидание собралась. Что она говорила? «Да, сейчас выхожу. Да, за углом». А телефон-то местный. Значит, либо ее в проходной ждали, либо это кто-то с работы. И что же это получается? Значит, ушла она после работы на свидание, гуляла там и все такое, а потом вспомнила, что ее начальник утром отругал, пошла и бросилась с седьмого эта-

жа? Да по ней за версту видно было, что забыла она напрочь весь утренний сыр-бор и на начальника ей глубоко плевать! Как она его обозвала? Старый козел! Ну, это уж чересчур! Приставал он к ней, что ли? С трудом верится.

Начальник, как сыч, сидел в кабинете весь день. В лаборатории было тихо, только дамы что-то бормотали про похороны. К вечеру Надежда решилась. Дождавшись, когда все ушли, она постучала в дверь кабинета:

— Можно войти?

Он поднял голову, и она впервые заметила, что он очень плохо выглядит. Болезненно худой, глаза запали, эта желтая кожа на лице. Определенно, у него печень. А может, освещение неудачное тут?

— Слушаю вас, Надежда Николаевна, хотя рабочий день уже кончился, — сухо сказал он.

— Вот именно, рабочий день уже кончился, и мы можем поговорить по-человечески.

— Ну и что же вы мне хотите сказать по-человечески? — без тени улыбки спросил он.

Надежда мгновенно разозлилась.

— Вы мне несимпатичны. Я не испытываю к вам жалости и не лезу с сочувствием. Это чтобы все было ясно. Но я должна вам сказать, что не верю в то, что это вы довели Марину до самоубийства. Не потому, что вы такой хороший, а потому что я не представляю, чтобы здоровая красивая молодая девушка в наше время вдруг покончила с собой из-за конфлик-